

ТВОРЧЕСТВО члена Союза писателей поэта Николая Шамсутдинова хорошо знакомо сургутянам. И не только им. Шамсутдинов — автор нескольких сборников. Человек в нашем суровом северном краю — пожалуй, одна из основных его тем.

Сейчас готовится к изданию еще одна книга нашего земляка. Орывок из новой поэмы автора мы и предлагаем сегодня нашим читателям. В ней ведется серьезный разговор о судьбах мира на нашей планете.

Николай ШАМСУТДИНОВ:

«ВРЕМЯ АКТИВНОЙ СОВЕСТИ»

Мне, Соотичу страждущих мирного неба, Печальнику века. Мне б писать о раздолбных, разлапистых реках! Они чуткою нервной системой Ветвятся по нашей Земле: Разметавшись, несет к океану огни Амазонка, Упирается Нил растопыренной дельтой в море. Рейн, Питая заводы и злаки, На стрежне держит Европу, Величаво, Дородно течение полуденной Волги (До-о-олго длятся покосы, И оклики потных косцов долги, долги...) Вдохновенно ленив, в пенных отмелях, Рыж, Пьет сибирское небо Иртыш... Слабо охая под плотами, Душу мягко покалывая гудками, Вы прошли через жизнь И в душе отложились навеки, Областные, Пусть неизменитые, реки... Хлопотуньи, воркуны, Речонки районного ранга, Отлепившись от Волги ли, Ганга, Катят воды свои, Ребятно расплескавши по плесам, Вертят мельничные колеса, Как вращают круги бытия. На одной из таких Увидал свет и я... Но иные — в огне и металле — Реки Землю устлали, Располагаются по континентам Реки грохочущей стали: Танки, бронемашини пространство расцветное будят, Где цвели полевые цветы — Там гремят полевые орудья... А еще в потаенных ночах — «Першинги» на тягачах. Это в Ливии, это в Ливане — Утро ль, вечер — Убивают детей и дробят города Реактивные смерчи. Слепо корчатся камни, пришитые к тверди Огнями, Факела ку-клукс-клана змеятся ночами в Майами, И под дожде вопли в неоновом вареве Остро потом и пивом разит От нацистских колонн в толстощекой Баварии... Порождает насилие Насилие. И, одеты суглинком Намибин или афганскою пылью,

Крепко шиты для драки, Не по камню и почве — По сердцу и нервам скрежещут кромешные траки. Это нашествие стали — понятно ли вам? — Угрожает народам и материкам: Если лопнул зенит, содрогаем «Фантомами», Над Палестиной недалекой. Кто поручится, что не взорвется он и над Италией? Просекая Европу, Жала танковых клиньев Могут вылезти в Лондоне или Берлине. Перед натиском силы Бессильны границы, Ни шлагбаумом и ни конвенцией Не отгородиться... Неужель на страдании Изначально стоит мироздание? В храм буддийский ударила бомба — И, тысячеуст, Взвыл он в пламени лютном, Мгновенно Боль рванулась по нервам, по венам, Точно страшный, багровый куст. Оскверненные наши святыни! Убиенная мать из Хатыни, С нею — мученица из Ливана. Вся — сплошная, орущая рана, Обнялись над Землей... По чьей воле Они — сестры по гибельной боли? Скорбный перечень длится и длится, В душе свет померк... Хиросима, Сонгми, И еще — не один! — безымянный поселок забытый, Где, быть может, грядущий Гомер Высвистывает во чреве, убитый... Гнев Диктует мне Слово! Неужель и Земля наша, синевую объята, Словно Хрупкий плод в материнской плаценте, Беззащитная наша планета, Щемяще одна, Повторяя судьбу Хиросимы, На горьком рассвете Захлебнется убойной волною слепого огня? Это — не искупимо ни золотом, ни кровью! Вот что всем нам готовят, Раздирают наш мир горевой непрерывные «зоны», Словно трещины боли, идут по сердцам, И растут, как проказа, «Локальные войны», Располаясь по материкам. Снова в Африке грозно кварталы пылают, Над арабами свищут «Фантомы», сознание слепя, —

В каждодневных раздорах истребляя себя, Человечество оскудевает. Не забыты ловцы на людей в Кампучии, А уже захлебнулся потоками крови, Крича, Сальвадор, Гватемала... Гаити... Чили... И — террор! И — террор! И — террор! Наклоняюсь над страшную Повестью, Невозможно быть в стороне! Отстранившийся да устыдится пассивности, Наедине Со своей воспаленною совестью! На закате деревья как будто огнем занялись... Человечество, остановись! Неужели для сшибки глобальной Любимые наши рожают? Убивают детей — В поколениях потомков пустоты зияют. И когда назовут это время — Затмением разума? Можно ль розно прожить на Земле? Невозможно по-разному На грядущую бойню смотреть, Невозможно! — Трусливо податься в сторону, Наблюдать обреченно, куда нейтронная смерть И тебя вместе с мусором в страшную втянет воронку... Сколько лет я живу под угрозой проклятой, Сибиряк, Год рождения сорок девятый. ...Март. Из дремы выпрастывается земля, Расправляют затекшие ветви Отмякшие древа, Первородная мгла облегает меня — В чутком космосе материнского чрева Слабой плоти комочек, Еще до рождения Обреченный на уничтожение. Совершенно секретно. ...Война начнется до 1 апреля 1949 года... Атомные бомбы будут применены в таком масштабе, в каком это возможно и желательно». «Оценка планов стратегического наступления в воздухе. Разработка для Объединенного комитета начальников штабов. (21.12.1948 г.)» Затмевая огни городов, деревень, Через детство Простерлась зловещая тень, Расщепила тревогой и недоумением — юность, Вьелась в сны,

«СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК» ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА



Д.М. СЕРГЕЕВ

СТАРЫЙ ФОНАРЬ

На аллее старенький фонарь
С треснувшим стеклом
в оправе медной
Отгоял дрожащим
светом бледным
Сумерек сгустившуюся
хмарь.
И в гирлянды
дремлющих цветов
Стройных тополей
ложилась тень,
А фонарь в плену
ветров осенних
Весь скрипел на сотни
голосов.
Был фонарь, как прежде,
ну, просто смех!
И смеялись в парке
фейерверки,
Ведь у них совсем
другие мерки —

Та же улица, те же
дома,
Тополя, приодетые
в иней.
И украсила вечер зима
Невесомою дымкою
синей.
Смотрит окнами старый
Когда последний
меркнет свет,
И мир накрыт
сплошной тенью,
Нас часто мучают
сомненья:
А вдруг на свете
счастья нет?

Л. СИДОРОВ

ВЕРШИНЫ

Боль и страх акцентируют
волю,
Но — терзая и тело,
и дух, —
Я из жизни себя
сдаюсь.
Не уволю —
Малодушием
вдруг,
И уверен, —
В любую грозу
На вершины
восходят
Мужчины,
Остальные
ютятся
внизу!..

ВСТРЕЧА

А мы сидим,
Забыв друг друга
Случайно встретившись
на миг...
Ты говоришь —
о жизни — выюге,
А я о том,
что жизнь — как миг!..
Мы так близки
И так далеки
В предошущении
вещей...

Н. СОЧИХИН

Каждый, забжевший
на Север
С рюкзаком,
Мнит себя по крайней
мере
Ермаком.
Нет, я не против,
что нефть мы
открыли.
Будем еще открывать.
Против, что снова
Сибирь «покорили»:
Сколько же ее покорять!
Всякие люди сюда
понаехали —
Соколы и пустельга.
И оскудела грибами,
орехами,
Ягодой
Наша тайга.
Звери ушли, и большие,
и малые,
Дичи совсем не видать,

Постоянный массовый успех.

С треском разноцветные
огни
Озаряли сумрачное
небо,
И, казалось, парк
светлее не был
Даже в очень
солнечные дни.
А потом цветные
огоньки —
Те, что ярко с шумом
отгорели,
Лишь местами в темном
небе тлели,
Как в костре погасшем
угольки.
В звуках уходящей
суеты
Был фонарь, как прежде,
незмениен,
И роняли праздничные
тени
Тополя в осенние
цветы.

фасад,
Наяву это, или мне
снился:
Тот же двор, тот же
дом, тот же сад,
А вокруг незнакомые
лица.
Когда лишь блеск
небесных сфер
Лелеет веру
в прелесть мира,
Мы за своей заветной
лирой
Летим, шагнув через
барьер.

Чтобы их покорять...
Наобум к ним не
надо соваться.
Высота суеты
не простит, —
Отомстит.
Или просто заставит
сдасться.
Благодушия
рву
паутины...
И уверен, —
В любую грозу
На вершины
восходят
Мужчины,
Остальные
ютятся
внизу!..

И тяжело:
твои упреки
Лежат на совести
моей.
Давай в минувшее
заглянем,
Мечты
И душу погубя...
Кого-то третьего
обманем,
Тем самым
Обманув
Себя.

Чем же потом своих
деток побалуешь?
Наша Сибирюшка-мать?
Все перепахано. Все
перемелено.
Свалка везде и
вокруг.
Ведь сибиряк, если
даже и велено,
Так поступает не
вдруг.
Губится все без
зарения совести,
Вроде во имя мечты.
После об этом
слагаются повести
И... наградные листы.
Может быть, потчую
старыми песнями,
Но... Умоляю тебя,
Ты сохрани журавлей
в поднебесии,
Пусть и сама для себя.